

Зурин настоял на том, чтобы голова земского была на несколько часов выставлена на шесте у кабака.

Гусары возвратились с погони, захватя в плен несколько человек. Их заперли в тот самый анбар, в котором выдержали мы достопамятную осаду. Мы разошлись каждый по своим комнатам. Старикам нужен был отдых. Не спавши целую ночь, я бросился на постель и крепко заснул. Зурин пошел делать свои распоряжения.

Вечером мы соединились в гостиной около самовара, весело разговаривая о минувшей опасности. Марья Ивановна разливала чай, я сел подле нее и занялся ею исключительно. Родители мои, казалось, благосклонно смотрели на нежность наших отношений. Доселе этот вечер живет в моем воспоминании. Я был счастлив, счастлив совершенно; а много ли таких минут в бедной жизни человеческой?

На другой день доложили батюшке, что крестьяне явились на барский двор с повинною. Батюшка вышел к ним на крыльцо. При его появлении мужики стали на колени. «Ну, что, дураки?» сказал он им. «Зачем вы вздумали бунтовать?» — «Виноваты, государь ты наш», отвечали они в голос. — «То-то, виноваты. Напроказят, да сами не рады. Прощаю вас для радости, что бог привел меня свидеться с сыном Петром Андреевичем. Ну, добро: повинную голову меч не сечет».

— Виноваты! конечно, виноваты.

— Бог дал ведро. Пора бы сено убрать; а вы, дурачье, целые три дня что делали? Староста! Нарядить поголовно на сенокос; да смотри, рыжая бестия, чтоб у меня к Иванову дню все сено было в когнях! Убирайтесь.